

Кайркелды Руспаев

Сердце отца

Повесть

Кайркелды Руспаев

Сердце отца. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23099072

ISBN 9785448373213

Аннотация

Пограничник Абай был ранен в сердце при задержании особо опасного нарушителя границы. Ему не смогли подыскать подходящего сердца для пересадки, и тогда его отец решил пожертвовать собой, чтобы спасти сына.

Содержание

Сердце отца	5
1	5
2	15
3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сердце отца

Повесть

Кайркелды Руспаев

© Кайркелды Руспаев, 2017

ISBN 978-5-4483-7321-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сердце отца

Посвящаю всем настоящим отцам.

*Самый хороший отец не более, чем муж
старшей сестры.
Несправедливая казахская пословица.*

1

Абай служит второй год, но все еще не может привыкнуть к горам – выросший в степи, он мог бы долго носиться по равнине, но в этих ущельях и перевалах и воздух разрежен, и трава в рост, и камней навалено – непересчет.

А нарушитель, напротив, по всему видать горец. Вот уже полдня плутает и никак к нему не приблизиться на выстрел. Еще немного, и оторвется от погони.

Абай с напарником выдохлись, и только чувство долга заставляет одеревеневшие ноги раз за разом отталкиваться от почвы, «буксуя» ползти по осыпающемуся щебню на крутизне. Абай хорошо изучил эти места – нарушитель скрылся в последнем ущелье, за которым тянутся на многие десятки, если не сотни километров, густые заросли тогая, где отыскать человека даже силами всей бригады нереально.

– Нет, так нельзя! – выдохнул он, внезапно остановив-

шись. Напарник налетел на него сзади, и, отстраняясь, взглянул с неудовольствием.

– Так его не догнать... – Абай старался в промежутках между репликами выровнять дыхание, – Он уйдет... уйдет в тогаи...

– Что же делать? – спросил сослуживец, размазывая пот с пылью по лицу.

– Нужно разделиться, – предложил Абай, – Ты продолжай погоню, а я... Ущелье в этом месте делает крюк, и если взобраться на эту кручу, то можно выйти ему наперерез. Другого способа нет, иначе нам его не догнать.

– А если не успеешь? – засомневался напарник.

Очевидно, ему не понравился план Абая. Молодой солдат, еще и полугодом не отслужил, не обрадовался перспективе преследовать врага в одиночку.

– Не бойся, – успокаивал его Абай, – Тебе ничто не угрожает. Нарушитель должен думать, что мы все так же следуем сзади, он уверен, что мы его не догоним. И сдастся мне, он хорошо знает местность. Ну да ничего, я встречу его у выхода из ущелья. Ты только не бойся – повторил он.

– Да я что! – бросил напарник уязвлено, – Я не боюсь...

С этими словами двинулся вперед. Проводив его глазами, Абай вдохнул – выдохнул и устремился вверх, перевесив автомат за спину. Ноги как ватные, но упорно цепляются за выступы, оцарапанные руки уже ничего не чувствуют, но все же хватаются за редкие травинки и кустики.

– Давай-давай! Быстрее-быстрее! – ритмично выдыхает Абай, подгоняя себя, – Давай-давай! Быстрее-быстрее!

И добавляет, обращаясь мысленно к нарушителю:

– Врешь – не уйдешь! Врешь – не уйдешь!

Распогодилось. Затянутое тучами небо расчистилось, и ласковые лучи солнца, и дуновения легкого ветра уговаривают передохнуть, сбавить темп восхождения, остановиться, присесть, хоть чуточку, минуточку, чтобы выровнять дыхание, унять стук натруженного сердца, – но Абай постоянно подстегивает себя: «Нет! Нельзя! Не успеешь! Уйдет! Уйдет, и тогда какими глазами будешь смотреть в глаза командира заставы, в глаза товарищей?»

Абай поглядывает время от времени вверх – ничего, отвесная стена нескончаема. Он ободрал в кровь руки; едва не сорвался в пропасть, скатившись кубарем с десятиметровой высоты, и лишь хилый кустик на краю кручи удержал, можно сказать чудом, Абай ни за что бы не поверил, что эти тоненькие веточки способны выдержать семьдесят с лишним килограмм его веса.

Но кустик выдержал и теперь Абай осторожничал. Осторожничал, но не сбавлял темпа, чисто интуитивно выбирая менее опасный маршрут, хотя какие тут маршруты – путь его пролегал вертикально вверх, ибо Абай не мог позволить себе удлинить путь, поднимаясь по пологим местам.

– Успеть! Успеть! – вслух или про себя говорит он эти слова?

– Успеть перехватить! Успеть! Я должен успеть! Я должен...

Вот и перевал. Абай обрадовано пробежал по нему и, бросив мимолетный взгляд на изгибавшееся внизу ущелье, не надеясь увидеть на его дне нарушителя или напарника, устремился вниз. Он рассчитал правильно – внизу, чуточку левее, находилось сужение ущелья, последнее сужение, за которым горы расступались, чтобы плавно перетечь в долину. Часть долины просматривалась даже отсюда, панорама открывалась величественная, но острое зрение пограничника отметило лишь густые «джунгли» тогаев, простиравшиеся до горизонта.

Абай пошел на спуск. Тренированное тело его было предельно собранным. Теперь оно несколько отдыхало, и только внимание обострилось до предела – нужно было умело уходить от коварных карнизов, внезапно возникающих отвесов, падение с которых означало верную смерть. С приближением дна ущелья нужно было следить за конечной целью спуска – не столкнуться бы с нарушителем, который мог заметить «летающего» вниз пограничника и подрезать точной очередью.

То, что он вооружен автоматом, Абай знал – вначале нарушитель отстреливался, когда, только заметив, пограничники открыли по нему стрельбу. Но, быстро поняв, что для него вязываться в затяжной бой невыгодно, – он догадывался, что на заставе о нем уже знают, прекратил перестрелку и пу-

стился наутек. Нарушитель был подготовлен отлично – бежал быстро, очень быстро, умел использовать рельеф в свою пользу, и рассчитывал не без оснований, что пограничники не догонят. Вот только бы опередить его!

Вот и «врата» ущелья... Абай озирался по сторонам, на миг замирал, прислушиваясь – ничего, никого.

– Неужели ушел? – прошептал он, выбирая удобную позицию для засады.

Сомнения одолевали его, но делать было нечего – если нарушитель уже в тогаях, останется только возвращаться, преследовать дальше бессмысленно. Была бы еще собака, а так...

Абай устроился против открытой площадки перед выходом из ущелья, – либо дождется нарушителя, либо напарника. Он отер пот с лица, приготовил автомат, взял его на изготовку, прицеливаясь то в одно место, то в другое, откуда по его предположениям, мог появиться нарушитель.

Прислушался – тишина. Лишь посвистывание каких-то вездесущих пташек да далекий клекот горного орла нарушали ее.

«Слишком долго нет его», – только подумал Абай, как совершенно бесшумно, словно возникнув из-под земли, появился нарушитель. Он передвигался, легко переступая ногами, словно бы не было многокилометрового марша по пересеченной местности гор. Абай еще не различал черт его лица, но под простой одеждой аульчанина угадывалось

крепкое, тренированное тело бойца. Движения нарушителя казались замедленными, ленивыми, но при этом Абай видел, как тот скоро передвигается – вот уже различимы черты восточного лица, цепкий, напряженный взгляд.

Абай решил, что пришло время остановить пришельца.

– Стой! Руки за голову! – скомандовал он нарочито деловым тоном, чтобы не выдать предельное напряжение и тревогу.

Нарушитель остановился и взглянул по направлению голоса. Абай повторил приказ по-казахски – пришелец повиновался.

– Не стреляй, – сказал спокойно он.

Абай вышел из своего укрытия и, держа чужака под прицелом, приблизился к нарушителю. Самый обыкновенный молодой мужчина, в немного потрепанном спортивном костюме и тубетейке, коих сотни в прилегающих аулах и поселках; лишь что-то неуловимо враждебное проглядывает во взгляде, да и во всем облике. Абай заметил на его плече объемистую спортивную сумку и приказал сбросить и отступить – нарушитель повиновался. Продолжая держать нарушителя на мушке, Абай наклонился и расстегнул молнию на сумке – какие-то тряпки, полбуханки хлеба, да пластиковая бутылка с чем-то белым – возможно айран или молоко.

«Где же ты спрятал свой автомат? – мысленно вопрошал Абай, – И с какой целью ты тут? Ну да ладно, разберутся, где надо. Наше дело задержать.»

– Братишка, дай закурить, – как ни в чем ни бывало, попросил чужак и, получив отказ, продолжал, – Можно взять сумку?

И опустив руки, сделал движение в сторону Абая.

– Стоять! – рявкнул тот, отчего нарушитель сделал удивленное лицо.

– Ты что?! – сказал он, – Отдай сумку. И, пожалуйста, опусти автомат – не то ненароком выстрелит. Да не смотри так – я не враг. Я такой же казах, как ты. Зовут меня Кадар.

– Что ж тогда воюешь со своими, Кадар, если казах? – сказал Абай, вешая сумку на плечо. Автомат был опущен, но Абай по-прежнему держал его за рукоять и мог в любую секунду поднять и открыть огонь в упор.

– А я не воюю, – отвечал Кадар, – Я пришел с миром.

– С миром? А кто утром обстрелял нас?

Мужчина изобразил удивление, но он был плохим актером.

– Ты, видно, принимаешь меня за другого, – сказал он, притворно улыбаясь, – Из чего же мне стрелять, у меня нет никакого оружия. Да, я нарушил границу – виноват. Но, посуди сам, как было мне иначе попасть на родину?

– А как ты оказался за кордоном? – Абай вел беседу, дожидаясь напарника. И почему бы не поговорить с человеком? Напряжение полдневной гонки преследования требовало разрядки.

– Попал в плен в Афгане, – хмуро проговорил Кадар, –

А правительство ваше... наше, – тут же поправился он, – правительство и не подумало вызволять нас. О нас забыли.

В глазах нарушителя мелькнул мстительный огонек.

– Значит, ты пришел, чтобы мстить? Но сегодняшнее правительство не ответственно за афганскую войну. Тогда командовала Москва.

– Знаю. И хочу не мстить, а добиться того, чтобы казахи больше никому не подчинялись, кроме Аллаха, чтити пророка Мухаммада и жили по шариату. А пока вы пляшете под дудку американцев и русских. Слушай, отпусти меня, не препятствуй правому делу, угодному Аллаху.

– Почему ты присвоил себе говорить от имени Аллаха? Я тоже мусульманин, но ни к кому не лезу с оружием в руках. Ты же стрелял в меня!

– Где у меня оружие? – разведя руки, Кадар оглядел себя, – Оружие пока что у тебя. Это ты угрожаешь им, а не я.

– Я защищаю нашу границу и вправе уничтожить всякого, кто вломится, даже если он и прикрывается словами о Аллахе.

Кадар рассердился. Он отбросил маску добродушия и заговорил презрительно:

– Что ты понимаешь, сопляк! Тараторишь слова, заученные на политзанятиях. Ты не мусульманин, нет! Ты кафир! Ты, наверное, даже не обрезан!

– Почему же? Все в порядке...

Абай понял, что затеял ненужный разговор, и решил пре-

кратить. Но нарушитель был другого мнения. Он продолжал дискуссию, незаметно, шагком за шагком, приближаясь к пограничнику.

– Но это ничего не значит. Говорят, евреев тоже обрезают. А вот ответь, – ты совершаешь пятикратный намаз? Соблюдаешь уразу? Посещаешь мечеть? Хотя бы раз в неделю, в пятницу? Да у вас и мечетей нет! Ты не знаешь ни одного аята из Корана! Какой ты после этого мусульманин?

Презрительный взгляд прищельца прожигал Абая, и он невольно оправдывался, забыв, что решил прекратить разговор.

– Я верю в Аллаха. Но – по-своему...

– Не смей меня! Аллах через пророка нашего Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует, дал точные предписания насчет веры, он не давал права каждому верить, как ему заблагорассудится. Вы все живете в неверии. Но мы исправим положение, мы научим народ истинной вере.

Абай заметил маневры нарушителя, который уже оказался на расстоянии прыжка.

– Стой! – воскликнул он, подняв ствол автомата, – Стой, если дорога жизнь! Не заговаривай зубы. Нам не нужна твоя вера. И вообще, хватит агитировать! Руки за голову и марш на заставу! Там и поговоришь, с кем следует.

Кадар нехотя вернул руки на затылок и только собрался повернуться, как послышался стрекот винтов вертолета, быстро превратившийся в рокот. Оба замерли, подняв лица

к небу. Вертолет снизился, и Абай отвлекся, махая вертолетчикам, показывая, куда лучше приземлить машину. Кадар достал финку и нажатием потайной кнопки выбросив клинок, свободной рукой схватил ствол автомата. Абай недоуменно взглянул на него, и в этот момент Кадар вонзил нож, процедив:

– Умри кафр! Аллах Акбар!

Кадар попытался вырвать автомат, но руки Абая свело в мертвой хватке. Некоторое время оба стояли, глядя в глаза друг друга, но, заметив, что из снизившегося вертолета десантируются пограничники, Кадар с силой оттолкнул Абая и побежал прочь. Абай упал, прижимая к себе автомат. Он лежал с широко открытыми глазами. Он видел, как пулеметным огнем из вертолета был отрезан путь нарушителю, и как пограничники схватили Кадара, после чего глаза закатились, и все накрыло непроницаемой тьмой.

2

Тьма рассеялась. Сабыр, отец Абая, проснулся из-за острой боли в сердце – словно полоснули ножом! Он сел на кровати, растирая грудь, и невольно застонал. Внезапная боль утихла и быстро прошла, лишь осталось ощущение ту-по беспокоящей занозы. Сабыр встал, быстро застелил постель, и наскоро помывшись под рукомойником – сосулькой, вышел во двор. По пути к загону со скотом его окликнул сосед – Рахат.

– Ассалямю аляйкум, Сабеке! – поприветствовал он.

– Уа аляйкум ассалям, – отвечал Сабыр.

– Опять самому придется доить? – этот почти ежедневный вопрос соседа всегда так действует на нервы.

– А что, хочешь сегодня подоить за меня? – в тон ему ответил Сабыр.

– Да нет! Не мужское это дело, – с плохо скрываемым презрением заметил сосед. А затем добавил с фальшивой заботой в голосе:

– Жениться вам надо, Сабеке.

– Куда мне, поздно, – махнул рукой Сабыр, с намерением прекратить этот неприятный разговор. Но от Рахата так просто не отделаться.

– Не поздно, – продолжал он, облакачиваясь на верхнюю жердь ограды, – Вы еще крепкий. Вон сколько скота держи-

те. Хотя какая разведенка пойдет за вас. Здоровья вам не занимать, так что легко справитесь с любой молодухой.

– Какое здоровье! – возразил Сабыр, – Вот проснулся, а в сердце словно воткнули нож. До сих пор еще не отпустило.

– Сердце говорите? – продолжал раздражать поддельной заботой Рахат, – Да-а, с ним шутить нельзя! Но посудите сами, – какое сердце выдержит такую жизнь? Все один да один, не с кем и словом перемолвиться. Сына растили, растили, а он вырос и бросил. Нет, вам определенно нужно жениться, вот увидите – все болячки как рукой снимет, и вы сразу помолодеете...

– Да иди ты! – оборвал его Сабыр и еле сдержался, чтобы не наругать – все же сосед. После чего добавил спокойней:

– Тебе что ни скажи – норовишь свернуть на одну и ту же колею. Нельзя мне жениться – Абай обидится.

Рахат из тех, кого ничем не пронять. Он не замечает, каким сердитым стало лицо соседа, как тот еле сдерживается, чтобы соблюсти приличия, предпочитая худой мир доброй ссоре. А может, видит все это, но уверен в своей безнаказанности – он хорошо знает, как чтит Сабыр заветы предков и никогда не позволит себе ссору с соседом. Поэтому продолжает в прежнем тоне:

– Оби-идится! Чего ему еще нужно – вырастили, отправили учиться. Женили. У него своя семья, своя жизнь – чего теперь оглядываться на него? Вы из-за него не женились

в свое время, а он бросил вас.

– Нет, он не бросил меня. Абай все время зовет к себе, да я сам не хочу. Что мне в городе делать? Там можно умереть со скуки. Так, на пару дней съездить в гости – это можно. А здесь у меня скот, огород, я все время занят. И потом, в городе все нужно покупать, все дорого, а я им помогаю продуктами, – согым, картошка...

– Ну конечно, удобно держать отца в ауле, бесплатно продуктами обеспечивает. А что он страдает от одиночества, пускай, мы обидимся, если он женится.

Сабыр рассердился вконец. Но выдержка не подвела и в этот раз. А как хочется размазать эти губы по зубам, как хочется врезать по челюсти, так, чтобы Рахат прикусил, наконец, свой ехидный язык! Сдерживаясь изо всех сил, Сабыр произнес с нажимом:

– Не трогай Абая, сосед! Я живу хорошо и мне незачем зря чесать языком. Пока есть силы, буду жить здесь и заниматься хозяйством, а одряхлею – Абай меня не оставит, я ему верю. И давай, не будем больше об этом.

Рахат все же струхнул, ибо Сабыр не был волен над своим взглядом, который пробирал до костей. Сосед инстинктивно отступил, отодвинулся от ограды. Он скривил губы в неприятной улыбке, которая особенно досаждала, и примирительно залопотал:

– Да я что! Живите, как хотите, Саке. Я просто переживаю за вас, ведь мы не чужие, соседи, так сказать...

Но Сабыр уже не слушает – он прошел в загон и, быстро сев под одну из коров, принялся за дойку. Струи истомившегося за ночь молока задзинькали о стенки подоюника, успокаивая взведенные нервы, и вот уже реальность отступила куда-то, а перед глазами развернулась картина из далекого прошлого – Сабыр учит молодую жену Майру, которая, боязливо отстраняясь от коровы, еле достает вытянутыми руками до сосков. Лицо ее напряжено, по нему блуждает слабая улыбка; глаза ее, то скашиваются к сидящему рядом Сабыру, то смотрят пугливо на корову. Та повернула к ней свою морду, словно недоумевая или упрекая: «Какая ты женщина, если корову подоить нормально не можешь?» А Сабыр, напротив, улыбается одобряюще и помогает советами:

– Ты не бойся, корова это чувствует и беспокоится. Да мочи пальцы в молоке, чтобы лучше скользили по соску. Дои проворней, будешь возиться – не будет молока.

Майра хнычет капризно, тыльной стороной кисти поправляя модную челку, прилипшую ко лбу в мелкой испарине:

– Сабыр, я больше не могу – руки свело!

Сабыр отстраняет ее, легко приподняв за плечи, и садиться сам. Он говорит:

– Это бывает вначале, пока натренируешься...

И сильно и уверенно тянет за соски. Корова успокоено отворачивается и возобновляет жвачку. Майра стоит рядом и разминает пальцы. Сабыр продолжает назидательно:

– Стыдно в твои годы не уметь доить, у нас маленькие

девочки доят по три коровы за раз. Соседи смеются над тем, что ты такая неумеха.

Майра обиженно надулась.

– Где я могла научиться доить? А тебе нужно было взять в жены девушку из аула, чтобы не краснеть за меня.

Сабыр поворачивает к ней смеющееся лицо и весело замечает:

– Ничего! И городским не мешает знать, откуда берется молоко, как оно нам достается...

Корова забеспокоилась и, преступив, отстранилась от Сабыра. Очнувшись от воспоминаний, он замечает, что ведро уже наполнилось, и молоко пениться и шипит, грозя перелиться через края. Сабыр тщательно вытер вымя и понес молоко в дом. Сосед стоит на том же месте, с удовольствием делая затяжку за затяжкой. Табачный дым вторгся неприятно в аромат парного молока, в теплые привычные запахи навоза и скота, и Сабыр недовольно сморщил нос. Он встретился с презрительно – ехидным взглядом соседа и, нахмурившись, ускорил шаг, давая понять, что продолжения разговора не будет. На ум пришли недавние слова Рахата: «Вы из-за него не женились в свое время, а он бросил...» Сабыр поставил ведро возле сепаратора, взял другое и пошел обратно.

И снова под мерные звуки дойки нахлынули воспоминания.

3

Автобус качается на рытвинах, и в такт ему раскачивается миловидная женщина, сидящая рядом со стороны прохода. Она дремлет, а временами и засыпает, и в какой-то момент Сабыру пришлось придержать ее за плечо, чтобы предотвратить падение.

Женщина повернулась к нему, взглянула вопросительно, и Сабыр пробормотал извиняясь:

– Простите, мне показалось – вы сейчас упадете.

Затем предложил:

– Давайте поменяемся местами.

Пересели. Женщина вытерла глаза носовым платком и, улыбнувшись признательно, объяснила свою сонливость:

– Посреди ночи села на поезд и с тех пор все еду. В поезде теснота, духота, не пришлось поспать. Ну и в автобусе, вот...

Сабыр понимающе кивнул и спросил:

– Вы едете в Алгу?

– Да. И вы туда?

– Ага, – отвечал весело Сабыр. Миловидная женщина все больше нравилась ему. Он поспешил продолжить разговор:

– Вы к нам в гости? К кому, если не секрет?

Попутчица отрицательно качнула головой. И этот ее простой жест понравился Сабыру.

– Я по работе, – сказала она, – В командировку. Я инспек-

тирую библиотеки. В вашем районе впервые. У вас хорошая библиотека?

Вопрос незнакомки смутил Сабыра. Он, конечно, любил читать, но в последний год ему было не до книг – умерла жена, и эта смерть, внезапная, как впрочем, и все смерти, выбила из жизненной колеи, и лишь забота о маленьком Абае не давала распускаться. Какие уж тут чтения...

Сабыр понимал, что выглядит в ее глазах невеждой. Но не станешь же все объяснять! А она все больше нравилась ему, и Сабыру пришлось немного покривить душой:

– Да. Но в ней мало новых книг. Сейчас пишут о писателях, которые были запрещены, их начали издавать, но они к нам не поступают. Говорят, только по большому благу можно те книги достать. Поэтому...

Сабыр почувствовал, как его коснулось что-то очень нежное – это попутчица снова заснула, приклонив голову на его плечо. Сабыр замолчал, замер, стараясь дышать как можно ровнее. Ему стало хорошо – хорошо. Прикосновение чужой женщины было таким, что Сабыр забыл все: и свое вдовство, и тревогу о сыне, оставленном дома. Незнакомка не напомнила Майру. Нет, она была совершенно другой. Но это ее доверительное прикосновение дало почувствовать, что она единственная, способная заменить покойную.

Сабыр осторожно переложил ее на свои колени. Женщина почувствовала этот маневр, но не воспротивилась. Сабыр нечаянно зацепил ее берет, и из-под него хлынул шелковый

поток каштановых волос. Он подобрал их рукой, и держал на весу, не решаясь заправить на место.

– Вам нравятся мои волосы? – услышал он.

Женщина повернула лицо, не меняя позы. Взгляд ее свидетельствовал, что ей нравится лежать вот так, расположившись на коленях сильного, но предупредительного мужчины.

– Хм... – в горле пересохло. Сабыр не знал, как вести себя с этой непосредственной женщиной, которой и он, видимо, понравился. И сказал, оставив без ответа ее вопрос:

– Как вас зовут? Меня – Сабыр.

Женщина легко выпрямилась, рассыпав роскошные волосы свои по плечам.

– Очень приятно, – сказала она и представилась: Корлан.

– Я вас разбудил. Поспите еще, до нашего аула далеко, – предложил Сабыр.

– Нет, расхотелось что-то, – отказалась Корлан. Она потянула свою руку, и Сабыр смутился, заметив, как крепко сжимает ее нежную ладонь...

Разговор был прерван внезапной остановкой мотора. Автобус еще некоторое время катился по инерции, и в наступившей тишине раздался смачный мат водителя. Он костерил: и старую машину – «утиль», и начальство автобусного парка, и «эту чертову дорогу», и «эти аулы-тупики». Пассажиры вначале виновато молчали, а когда водитель, отворив дверцу, вышел и полез под капот, заговорили разом, подня-

лись, и, шумя и толкаясь, устремились наружу.

Сабыр с Корлан тоже вышли. Вдохнув полной грудью свежий ветер степи, он окинул быстрым взглядом окрестности. Кругом расстилалась степь с редкими вкраплениями околков. Корлан заговорила мечтательно:

– Глядя на степь, хочется идти, идти, идти, чтобы преодолеть ее беспредельность. Может быть, есть где-то конец ей? Или нет?

Корлан стояла рядом и чуть впереди. Сабыр понимал, что это риторический вопрос. Степь и на него воздействовала подобным образом, и ему иногда хотелось уйти в нее безоглядно, безвозвратно...

– У всего бывает конец, – сказал он изменившимся голосом. Корлан заметила этот неуловимый переход в настроении своего спутника. Она повернулась к нему и взглянула задумчиво-пристально.

– А у вас поэтическая душа, – заметил Сабыр.

Корлан хотела что-то сказать, но тут водитель сильно хлопнул капотом и заявил во всеуслышание:

– Все! Приехали. Нужен буксир.

Пассажиры озабоченно зашумели, но водитель никак не среагировал на их ропот. Он тщательно обтер руки ветошью, взял из кабины пиджак, неторопливо закурил, и, захлопнув так же громко дверцу, отправился пешком по направлению движения.

Корлан проследила взглядом за действиями шофера, а по-

том повернулась к Сабыру.

– А далеко до вашего аула?

– Как вам сказать? Для меня недалеко. Видите – деревья в ряд? Это защитка, а за ней – наш аул.

– И вправду недалеко, – согласилась Корлан. Затем предложила: – Давайте махнем пешком. Напрямки.

– А вы не устанете? – поинтересовался Сабыр.

– Нет. Мне порядком надоела эта езда.

И решительно шагнув в указанном направлении, она оглянулась на последовавшего за ней Сабыра, и озорно блеснув глазами, сказала:

– А вы понесете меня, если я устану?

Сабыр откликнулся в тон ей:

– Хоть на край света!

И быстрыми шагами догнал ее, и они отправились в степь, держась за руки. Стоявшие возле автобуса односельчане начали обсуждать событие, свидетелями которого стали только что.

– Быстро же он забыл покойную, – сказала одна тетка.

– Да-а, – согласилась с ней другая, но затем привела доводы оправдания, – Но, с другой стороны – что ему делать? Ему нужна жена, женщина, даром, что промаялся год. Да и пацану – мама.

– Ну-у, никто не заменит родную мать. А уж эта...

Сабыр с Корлан шли по весенней степи, не слыша этих слов, не чувствуя взглядов в спину, обходя поляночки нека-

зистых цветов. Некоторое время они молчали, но вот, словно сговорившись, посмотрели друг на друга и улыбнулись.

– Корлан, давайте перейдем на «ты», – предложил Сабыр, – Я словно повстречал давнюю

знакомую. Не знаю почему, но это чувство возникло, как только вы сели рядом со мной.

– Да? Странно, но и у меня такое же ощущение. Вообще-то я очень неконтактная и трудно схожусь с людьми. У меня нет друзей и подруг, я имею в виду настоящих. И я не люблю, когда ко мне пристают незнакомые мужчины.

– А они, наверное, часто это делают, ведь вы такая красивая, – сделал Сабыр комплимент, и его попутчица улыбнулась признательно и немного горделиво.

– Я тоже не из тех, кто умеет легко завязывать знакомства. Но мне повезло – вы заснули и чуть не свалились на проход.

Путники рассмеялись. Им обоим стало легко и весело. Растаяли остатки скованности и неловкости.

Корлан заметила:

– Что-ж вы, сами хотели перейти на «ты», а все выкаете? А что до повода к знакомству, в подобных случаях я, даже упав, не приняла бы предложения незнакомого мужчины пересесть, тем более, не позволила бы ему уложить себя на колени. А к вам...

Корлан поправилась:

– А к тебе я сразу прониклась доверием.

Сабыр смущенно улыбнулся и спросил:

– Корлан, скажи, ты... замужем?

– Да, – сказала Корлан, и ее глазами овладела печаль, –
К сожалению, да...

Сердце Сабыра заныло, но вселяли надежду слова «к сожалению».

– Почему «к сожалению»?

Корлан промолчала. Не дождавшись ответа, Сабыр задал еще один щекотливый, как он полагал, вопрос:

– А дети есть?

– Вот потому-то и «к сожалению», что их нет. Когда вышла замуж, муж очень любил меня и уважал. Но я никак не могла забеременеть, и отношение его ко мне стало ухудшаться с каждым днем. Он прямо не упрекает, да и за что меня упрекать? – я до него ни с кем не была, и он знает об этом. Но постоянно придирается по мелочам, стал ревновать, хотя я не даю повода... В компании, в гостях, знакомые мужчины обходят меня стороной, зная, как я не люблю шуточные заигрывания и прочие глупости. Вначале я работала культработником на заводе, мне часто, особенно накануне праздников, приходилось задерживаться, ну, там, репетиции самодеятельности, сценки всякие ставить... Во-от... Возвращаюсь домой поздно, а муж достает: «С кем гуляешь...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.